

Александр Сергеевич Пушкин

Стихотворения 1815

**Пушкин Александр
Сергеевич
Стихотворения 1815**

ГОРОДОК (К * * *).

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великой град Петра,
От утра до утра
Два года всё кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах,
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у наложя
В великой четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,

Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет:
На улице карет
Не слышит стук докучный:
Здесь грома вовсе нет:
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,

Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — Аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На Рифмова склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,

Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Из детства стал пиит:
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьюста, Тасса внук —
Скажу ль?... отец Кандида —
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.

В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных Граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекий в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя. —
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят

Под зимний вечерок).
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фон-Визин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полки
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.

Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненьи...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненьи,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги Парнасских уз!
О князь, наперсник Муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый

Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Тальи дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я с Чернавкой
Подщипа слезы льет;
Здесь Князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забыв войну, сраженьи,
Играют в кубари...
Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнасса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намараннные оды,
Убранство чердаков,

Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть право не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,

Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьёю волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
"Бессмертен ввек пиит!"

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льстить-
ся?...

До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой

Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире вздохнет.

Покаместь, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижусь я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоле, где расцвел
Мой горестный удел?...
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью

Забвения тропой:
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись,
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Льющих огонь в сердца,
И Граций стан прелестный
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилась она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!...
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал

Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но всё ли, милый друг,
Быть счастья в упоеньи?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близь озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлечения,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок

У добренькой старушки
Душистый пью чаек,
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Всё сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал. —
Старушка всё расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает всё свое;
А я сижусь смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда Свистова
В столице я внимал.

Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откушать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С Очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,

*Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.*

*Но, друг мой, естли вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.*

ВОДА И ВИНО.

*Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег
струя.
Когда ж вино в края поскачет,*

Напенься в чаше круговой,
Друзья, скажите, — кто не пла-
чет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх!.. смесил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пускай не в силах будет пить,
Или, стаканами владея,
Лафит с Цымлянским различить!

ИЗМЕНЫ.

"Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил:
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабудь;
В новой сей доле

Счастливо будь.
Только весною
Зефир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиреньи
Черпать забвенья
И — для друзей
Резвой рукою

Двигать струною
Арфы моей".

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весной
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал. —
Что же? — напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!

Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей. —
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так! до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увитый
Цепи влачи.....

К ЛИЦИНИЮ. (С ЛАТИНСКОГО).

Лициний, зришь ли ты? на быст-
рой колеснице,
Увенчан лаврами, в блестящей
багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий моло-
дой
В толпу народную летит по мо-
стовой.
Смотри, как все пред ним усердно
спину клонят,

Как ликторов полки народ
несчастный гонят.
Льстецов, сенаторов, прелестниц
длинный ряд
С покорностью ему умильный ме-
щут взгляд,
Ждут в тайном трепете улыбку,
глаз движенья,
Как будто дивного богов благо-
словенья:
И дети малые, и старцы с сединой
Стремятся все за ним и взором и
душой,
И даже след колес, в грязи напе-
чатленный,
Как некий памятник им кажется
священный.

О Ромулов народ! пред кем ты
пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе
столь низкой страх?
Квириты гордые под иго прекло-
нились!...
Кому ж, о небеса! кому поработи-
лись?...
Скажу ль — Ветулию! — Отчизне
стыд моей,

Развратный юноша воссел в совет
мужей,
Любимец деспота Сенатом сла-
бым правит,
На Рим простер ярем, отечество
бесславит.
Ветулий, римлян царь!... О срам!
о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с руками
за спиною,
В изорванном плаще и с нищен-
ской клюкою,
Поникнув головой, нахмурившись
идет?
Не ошибаюсь я, философ то Да-
мет.
"Дамет! куда, скажи, в одежде
столь убогой
Средь Рима пышного бредешь сво-
ей дорогой?"

"Куда? не знаю сам. Пустыни я
ищу.
Среди разврата жить уж боле не
хочу;
Япетовых детей пороки, злобу ви-

жу,
Навек оставлю Рим: я людства
ненавижу".

Лициний, добрый друг! не лучше
ли и нам,
Отдав поклон мечте, Фортуне,
суетам,
Седого стойка примером на-
учиться?
Не лучше ль поскорей со градом
распроститься,
Где всё на откупе: законы, право-
та,
И жены, и мужья, и честь, и кра-
сота?
Пускай Глицерия, красавица мла-
дая,
Равно всем общая, как чаша кру-
говая,
Других неопытных в любовну ло-
вит сеть;
Нам стыдно слабости с морщи-
нами иметь.
Летит от старика любовь в тол-
пе веселий.
Пускай бесстыдный Клит, вель-
можей раб Корнелий,

Оставляя ложе сна с запевшим пестухом,
От знатных к богачам бегут из дома в дом;
Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных риторов, Парнасских Геростратов;
В деревню пренесем отеческих пенатов;
В тенистой рощице, на берегу морском
Найти нетрудно нам красивый, светлый дом,
Где. больше не страшась народного волнения,
Под старость отдохнем в тиши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,

Вспомнив старину за дедовским
фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном,
Ювеналом,
В гремящей сатире порок изобра-
жу
И нравы сих веков потомству об-
нажу.

О Рим! о гордый край разврата,
злодеянья,
Придет ужасный день — день
мщенья, наказанья;
Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенная
венец!
Народы дикие, сыны свирепой бра-
ни.
Войны ужасной меч прияв в крова-
вы длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею ре-
кой.
Исчезнет Рим: его покроет мрак
глубокой;
И путник, обратив на груди кам-
ней око,
Речет задумавшись, в мечтаньях

углублен:

"Свободой Рим возрос — а рабством погублен".

БАТЮШКОВУ.

*В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
С издетства напоенный
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.*

*Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно:
Нескладно хоть играл,
Но Музам не скучал.*

*А ты, певец забавы
И друг Пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,*

*Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.*

*Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних Лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать не даром,
Бреду своим путем:
Будь всякой при своем.*

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ (1815).

*Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась
тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько
пробегала
Туманная луна:
Уже на западе седой, одетый
мглою,
С равниной синих вод сливался
небосклон.
Один во тьме ночной над дикою
скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрач-*

ны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь
ковал
И, к дальним берегам возведши
взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

"Вокруг меня всё мертвым сном
почило,
Легла в туман пучина бурных
волн,
Не выплывет ни утлый в море
чолн,
Ни гладный зверь не взвоят над
могилой —
Я здесь один, мятежной думы
полн...

О, скоро ли, напенясь под рулями,
Меня помчит покорная волна,
И спящих вод прервется тишина?
...
Волнуйся, ночь, над Эльбскими
скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные
дружины.

Уже сошлись, уже сомкнуты в
строй!

Уж мир лежит в оковах предо
мною!

Прейду я к вам сквозь черные пу-
чины

И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими
орлами,

С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я гро-
мами

И сокрушу Европы дивный щит!...

Но вокруг меня всё мертвым сном
почило,

Легла в туман пучина бурных
волн,

Не выплывет ни утлый в море
чолн,

Ни гладный зверь не взвоят над
могилой —

Я здесь один, мятежной думы
полн...

О счастье! злобный оболести-

тель,
И ты, как сладкой сон, сокрылось
от очей,

Средь бурей тайный мой храни-
тель

И верный пестун с юных дней!

Давно ль невидимой стезею

Меня ко трону ты вело

И скрыло дерзостной рукою

В венцах лавровое чело!

Давно ли с трепетом народы

Несли мне робко дань свободы,

Знамена чести преклоня;

Дымилась громы вокруг меня,

И слава в блеске над главою

Неслась, прикрыв меня кры-
лом?...

Но туча грозная нависла над
Москвою,

И грянул мести гром!...

Полнощи царь молодой! — ты
двигнул ополченья,

И гибель вслед пошла кровавым
знаменам,

Отозвалось могущего паденье,

И мир земле, и радость небесам,

А мне — позор и заточенье!

И раздроблен мой звонкой щит,

Не блещет шлем на поле браней;

В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.

И тихо всё кругом. В безмолвии
ночей

Напрасно чудится мне смерти за-
ыванье,

И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —

Лишь плещущим волнам внимает
жадный слух;

Умолк сражений клик знако-
мый,

Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщенья потух.

Но близок час! грядет минута ро-
ковая!

Уже летит ладья, где грозный
трон сокрыт;

Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,

Бледнеющий мятеж на палубе си-
дит.

Страшись, о Галлия! Европа! мще-
нье, мщенье!

Рыдай — твой бич восстал — и
всё падет во прах.

Всё сгибнет, и тогда, в всеобщем
разрушении,

Царем воссяду на гробах!"

Умолк. На небесах лежали мрач-
ны тени,

И месяц, дальних туч покинув
темны сени,

Дрожащий, слабый свет на запад
изливал —

Восточная звезда играла в океане,
И зрелась ладья, бегущая в тумане

Под сводом Эльбских грозных
скал.

И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные ца-
ри.

Но зришь ли? Гаснет день, мгно-
венно тьма сокрыла

Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною
седою,

Мрачится неба свод, гроза во
мгле висит,

Всё смолкло... трепещи! погибель
над тобою,

И жребий твой еще сокрыт!

К ПУЩИНУ. (4 МАЯ).

Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой;
С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик воцаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час.
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас;
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых:
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный!
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем;
И ты в беседе Граций,
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.
Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловещим Гипократом,
С нахмуренным попом;
Не видишь у порогу
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,
И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле.
Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать...

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,

Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

К ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый рифмотвор,
Повитый маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,
На скучный лад сплетая вздор,
Зовет обедать генерала, —
О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
Давно в моем уединеньи,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений,
Острот и хохота гостей.
В тебе трудиться нет охоты.
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок.
Зайди к жиду Золотареву,

*В его, всем общий, уголок;
Мы там, собравшись в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое.*

*И гордый на столе пирог
Друзей стесненными рядами,
Сверкая светлыми ножами,
С тобою храбро осадим
И мигом стены разгромим;
Когда ж, вином отягощенный,
С главой, в колени преклоненной,
Захочешь в мире отдохнуть
И, опускаясь в подушку,
Дабы спокойнее заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диван, —
Тогда послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинут скромный наш карман,
И крепок сон ленивца будет!...
Но рюмок звон тебя разбудит,
Ты вскочишь с бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку —
И в келье снова пир горой.*

О Галич, время невозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров приятный,
Татарской сброшу свой халат.
Простите, девственные Музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз —
В числе воюющих корнетов!
О Галич, Галич! поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край!

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина.
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок

Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным Пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком:
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сияньи,
Слетают резвою толпой
Крылатые мечтаньи,

И тихой, тихой льется глас;
Дрожат золотые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный:
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкой свой шалаш
В мольбах не просит Счастья!

Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;
На маках лени, в тихой час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И Муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых

Чело его покрыла,
И, горним светом озарясь,
Влетала в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей молодой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум... обманом,
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час:
И смерти добрый гений
Шепнет, у двери постучась:
"Пора в жилище теней!.."
Так в зимний вечер сладкой сон
Приходит в мирны сени,
Венчаный маком, и склонен
На посох томной лени...

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ. ДРУЗЬЯМ.

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихой берег вод забвенья,

Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приблизьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье! —
Певец решился умереть. —
Итак, с вечернею луною,
В саду не лъзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Не лъзя ль, устроя длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина,
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистой кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой,
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта

Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона;
Он был учителем моим:
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку; до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру.
Тебе дарю я лень и лиру;
Да будут Музы над тобой...
Ты не забудешь дружбы нашей,

*О Пушкин, ветренный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!..*

*На тихой праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...
Стеkitесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
"Здесь дремлет Юноша-Мудрец,
Питомец Нег и Аполлона".*

К НЕЙ.

*Эльвина, милый друг, приди, подай
мне руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни
сон;
Скажи — увижу ли... на долгую ль*

разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не
взглянет,
Иль вечной темнотой покрыты
дни мои?
Ужели никогда нас утро не заста-
нет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой
ночи
Я не могу тебя с весельем обни-
мать,
На милую стремить томленья
полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в восторгах
наслажденья
Твой шопот сладостный и тихой
стон внимать
И тихо в скромной тьме для неги
пробужденье
Близ милой засыпать?

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ

Ты не наследница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,
Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной.
Но, Клоя, ты мила собой.
Тебе во след толпятся смехи,
Сулят любовникам утеху —
Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.

Ты пленным зрителя ведешь
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами,
Поешь — и часто не в попад.
А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
"Bravo! bravissimo! чудесно!"
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей,
Ты сложишь руки у груди,

Или подымешь их и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;
Или без памяти в слезах,
Холодный испуская ах!
Спокойно в креслы упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша, —
Все шепчут: ах! как хороша!
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.
О Клоя, мудрые солгали:
Не всё на свете суета.

Пленяй же, Клоя, красотой;
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет;
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене;
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

ВОСПОМИНАНИЕ. (К ПУЩИНУ).

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Как, укывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Ваххом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье —
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пуни и светлое вино.

Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривый,

Ум и сердце на устах,

*Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкой Вакха заговор.*

*О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякой год в часы беспечны
Поминать его вином.*

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ.

*Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Не мил тебе покой?
Ужели мне с тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасского бродяги?
На Пинде мой сосед,
И ты от Муз укрылся,
Минутный домосед,
С пенатами простился!
Уж темный уголок
И садик опустели,*

Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами,
И пенистый бокал
Нам Бахус подавал.
Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;
Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы,
И долгие обеды
Не столь оживлены.

Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой.
Уж темна ночь объемлет
Брега спокойных вод;
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый, старый кот.
Покамест сон прелестный,
Под сенью тихих крил,
В обители безвестной
Меня не усыпил,
Морфея в ожиданьи,
В постеле я лежу

И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Где Фебовы сестрицы
Мне с негой вьют досуг,
Скажи — среди столицы
Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей
И ближних, и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкою слепой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом
В куплете заказном

Трусливо величаешь?..
Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден;
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награжден
Философ благодарный,
Когда сей бог молодой
Вечернею порой
Лафит и гроз янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит
Качаясь на ногах.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведет,
И дружба молодая
Венки ему плетет.

И счастлив он, признаться,
На деле, не в мечтах,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылах;
Когда друзья-поэты
С утра до ночи с ним
Шумят, поют куплеты,
Пьют мозель разогретый,
Друзьям своим
Послания читают
И трубку разжигают
Безрифминным лихим!..

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда!
Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С Тибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.
Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт,
Несет свою балладу,

*И стансы винограду,
И к лилии куплет.
И полон становится
Твой малый, тесный дом
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком,
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.
Подруги молодые
Нас будут посещать;
Нам жизни дни златые
Не страшно расточать.
Поделится с забавой
Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.*

МОЯ ЭПИТАФИЯ.

*Здесь Пушкин погребен; он с музой
молодою,
С любовью, ленью провел весе-
лый век,
Не делал доброго, однакож был
душою,
Ей богу, добрый человек.*

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Последним сияньем за лесом го-
ря,
Вечерняя тихо потухла заря,
Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится
река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке
булат,
И щит под шеломом заржавым,
Вонзились шпоры в увлажненный
мох: —
Лежат неподвижно, и месяца рог
Над ними в блистаньи крова-
вом.

Вкруг холма обходит друг сильно-
го — конь;
В очах горделивых померкнул
огонь —
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень
долин —
И смотрит на латы — конь вер-

ный один,

И дико трепещет, и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец
идет,

С надеждою робость он в сердце
несет —

Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в туск-
лую даль

Он смотрит, и сходит — и звон-
кую сталь

Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец — кольчуги
звучат.

Погибшего грозно в них кости
стучат,

По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... при звуке
глухом

Заржал конь ретивый — скок лё-
том на холм —

Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит
ночной,

Всё мнится, что кости хрустят

под ногой...

Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме ле-
жит,
И латы недвижны, и шлем не
стучит,
И конь вокруг погибшего, ходит.

К ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник:
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою,
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал,
И вот теперь я брат
Бестолкову пустому,
Тому, сему, другому
Да я ж и виноват!

Спасибо за посланье —

Но что мне пользы в том?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом! —
Изменник! с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Везде беды застану!
Увы, мне, метроману,
Куда сокроюсь я?
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают, —
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
"Ах, сударь! мне сказали,
Вы пишете стишки;
Увидеть их не лъзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечик,
Иль тихой ветерочик,
И рощи, и цветки...."

О Дельвиг! начертали
Мне Музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
В объятиях Морфея
Беспечный дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться, —
Я, право, неги сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

РОЗА.

Где наша роза?
Друзья мои!
Увяла роза,
Дитя зари!...
Не говори:
Вот жизни младость,
Не повтори:
Так вянет радость,

*В душе скажи:
Прости! жалею.....
И на лилею
Нам укажи.*

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ.

*Утихла брань племен: в пределах
отдаленных
Не слышен битвы шум и голос
труб военных;
С небесной высоты, при звуке
стройных лир,
На землю мрачную нисходит
светлый Мир.
Свершилось!.. Русской царь, до-
стиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину ле-
тели;
Вотще впреди знамен бесчислен-
ных дружин
В могущей дерзости венчаный
исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за
собою:
Меч огненный блеснул за дымною
Москвою!*

Звезда губителя потухла в вечной
мгле,
И пламенный венец померкнул на
челе!
Содрогся счастья сын, и, брошен-
ный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под
собой. —
Бежит... и мести гром слетел
ему во след;
И с трона гордый пал... и вновь
восстал... и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала,
благодаренье!
Когда полки врагов покрыли от-
даленье,
Во броню ополчась, взложив пер-
натый шлем,
Колена преклонив пред вышним
алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву
дал святую
От ига оградить страну свою
родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые
сердца
В восторге пламенном летели

вслед отца
И смертью роковой горели и дро-
жали;
И россы пред врагом твердыней
грозной стали!...

"К мечам!" раздался клик, и вих-
рем понеслись;
Знамены, восшумев, по ветру раз-
вились;
Обнялся с братом брат: и милым
дали руку
Младые ратники на грустную
разлуку;
Сразились. Воспылал свободы
ярый бой,
И смерть хватала их холодною
рукой!...
А я.... вдали громов, в сени твоей
надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, без-
мятежный!
Увы! мне не судил таинственный
предел
Сражаться за тебя под градом
вражских стрел!....
Сыны Бородина, о Кульмские ге-
рои!

Я видел, как на брань летели ваши
строи;
Душой восторженной за братья-
ми спешил.
Почто ж на бранный дол я крови
не пролил?
Почто, сжимая меч младенче-
ской рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред
тобою
И славы под крылом наутре не по-
чил?
Почто великих дел свидетелем не
был?

О, сколь величествен, бессмерт-
ный, ты явился
Когда на сильного с сынами
устремился;
И, челы приподняв из мрачности
гробов,
Народы, падшие под бременем
оков,
Тяжелой цепью с восторгом по-
трясали
И с робкой радостью друг друга
вопрошали:
"Ужель свободны мы?.... Ужели

грозный пал...
Кто смелый? Кто в громах на се-
вере восстал?.."
И ветхую главу Европа преклони-
ла,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз ру-
кой,
И власть мятежная исчезла пред
тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш,
возвратился,
И край полуночи восторгом оза-
рился!
Склони на свой народ смиренья
полный взгляд —
Все лица радостью, любовью бле-
стят.
Внемли — повсюду весть отрад-
ная несется,
Повсюду гордый клик веселья раз-
дается;
По стогнам шум, везде сияет
торжество,
И ты среди толпы, России божес-
тво!
Встречать вождя побед летят

твои дружины.
Старик, счастливый век забыв
Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною
слезой.
Ты наш, о русской царь! оставь же
шлем стальной
И грозный меч войны, и щит —
ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира
чашу,
И, брани сокрушив могущею ру-
кой,
Вселенну осени желанной тиши-
ной!...
И придут времена спокойствия
златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы
каленные,
В колчанах скрытые, забудут
свой полет;
Счастливый селянин, не зная бур-
ных бед,
По нивам повлечет плуг, миром
изощренный;
Суда летучие, торговлей окрилен-
ны,
Кормами рассекут свободный

океан,
И юные сыны воинственных сла-
вян
Спокойной праздности с досадой
предадутся,
И молча некогда вокруг старца со-
берутся,
Преклонят жадный слух, и вет-
хим костылем
И стан, и ратный строй, и даль-
ний бор с холмом
На прахе начертит он медленно
пред ними,
Словами истины, свободными,
простыми,
Им славу прошлых лет в расска-
зах оживит
И доброго царя в слезах благосло-
вит.

* * *

Итак я счастлив был, итак я на-
слаждался,
Отрадой тихой, восторгом упи-
вался...

И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,

И снова вокруг меня угрюмой скуки
тень!

СЛЕЗА.

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел,
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

"Скажи, что смотришь на доро-
гу? —

Мой храбрый спросил. —
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил".

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
"Гусар! уж нет ее со мною!..."
Вздыхнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал. —
"Дитя! ты плачешь о девице.
Стыдись!" — он закричал.

"Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,

Чтоб отравить бокал!...."

** * **

*Угрюмых тройка есть певцов
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов
Шишков наш, Шаховской, Шихма-
тов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!*

К БАР. М. А. ДЕЛЬВИГ.

*Вам восемь лет, а мне семна-
дцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли. — В судьбе своей уны-
лой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратит уже того, что бы-
ло,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены
лишь верой.
Послушайте: Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.
Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,*

И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: "Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму —
Удастся ль мне под старость
дня,
Вам посвятить эпиталаму?"

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Помилуй, трезвый Аристарх
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветренных стихах:
Плоды веселого досуга,
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
Или для Хлои молодой.

Помилуй, сжался надо мной —
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.
Конечно беден гений мой:
За рифмой часто холостой,
На зло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На аю, ает и на ой. —
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья,
И сряду лишних три стиха;
Нехорошо, но оправданья
Не лъзя ли скромно принести?
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Окован стихотворной думой,
Покоем жертвую стихам;
Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовым жрецам
Сверкаю грозными очами,
Едва дыша, нахмуря взор,
И засветив свою лампаду,
За шаткой стол, кряхтя, засяду,
Сижусь, сижусь три ночи сряду

И высижу — трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнасса,
Родитель стареньких стихов,
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя;
И есть и пить найду я время.
Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу Дружбы иль Эрота, —
Тотчас я труд окончу свой.
Сижу ли с добрыми друзьями
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими резвыми стихами...
Но ежели когда-нибудь,
Желая в неге отдохнуть,
Расположась перед камином,
Один, свободным господином,

Поймаю прежнюю мысль мою, —
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета,
И их вполголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с Музой нежусь молодой...
Уж утра яркое светило
Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
В полглаза дремля — и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,
И в простоте, без украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал,
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоеньи
Уединенный свой чердак.
В таком ленивом положеньи
Стихи текут и так и сяк.

Возможно ли в свое творенье,
Уняв веселых мыслей шум,
Тогда вперяť холодный ум,
Отделкой портить небылицы,
Плоды бродящих резвых дум,
И сокращать свои страницы? —

Анакреон, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни
Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верьх Фессальския горы
Вели вас тайные извивы;
Веселых Граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши челы обвивал
Детей Пафосских рой шуťливый.
И я — неопытный поэт —
Небрежный ваших рифм наслед-
ник,
За вами крадуся вослед...
А ты, мой скучный проповедник,

*Умерь ученый вкуса гнев!
Поди, кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.*

ТЕНЬ ФОН-ВИЗИНА.

*В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Алоллоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русской весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.
"Позволь на время удалиться, —
Владыке ада молвил он, —
Постыл мне мрачный Флегетон,
И к людям хочется явиться".
"Ступай!" в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко берегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!*

Мертвец в России очутился,

Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя.
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Всё столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько ж Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздыхнул Денис: "О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.

Но где же братья-поэты.
Мои парнасские клеветы,
Питомцы Граций молодых? —
Желал бы очень видеть их".
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой на бекрене,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
"Пойдем, — сказал Эрмий по-
эту, —
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить.
Других — венком увить свирели".
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокой;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером

Сидел в раздумьи за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи. —
"Кто он?" — "Издатель "Демокри-
та"!"

Издатель право пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжело,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняж-
кой,
Ей богу. братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить,
И далее полет направить
К певцам российским запис-
ным?" —

"Быть так, Меркурий, полетим".
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.

Сидит; перо в его зубах,
На ленте Анненской табак,
Повсюду разлиты чернила,
Сопит себе Хвостов унылый.
"Ба! в полночь кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что случилось с бедной головою!
Фон-Визин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно он!"
— "Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружи-
ще!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?"
— "Увы! несчастному поэту, —
Нахмурысь отвечал Хвостов, —
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавился — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякой лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В "Аспазии" боготворят.
А всё последний я в поэтах,

Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хотят,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том.
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перукмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской вооружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать".
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечей взмахнув крылами,
Во тьме с Фон-Визиным пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздыхнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,

*По утру оду смастерил,
И ею город усыпил.*

*Меж тем поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем боскете князь Шальной,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты Славяно-Росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала Петриада,
И дикой взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтире обученный,
Ужасный критикам старик!*

Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц,
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон:
Блюститель чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фон-Визина рука!

"Довольно! нет во мне охоты, —
Сказал он, — у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?"
— "На берегах поет Невы". —
"Итак стигийския долины
Еще не видел он?" — "Увы!" —
"Увы? скажи, что значит это?"
— "Денис! полнощный лавр от-
цвел,
Прошла весна, прошло и лето,

Огонь поэта охладел;
Ты всё увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика".
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фон-Визин тотчас рассказал
Свои в том мире похождения.
"Так ты здесь в виде привиде-
нья?... —
Сказал Державин, — очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший
брат;
Какая тихая погода!...
Но кстати вот на славу ода, —
Послушай, братец" — и старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленьи
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

"Открылась тайн священных ёд-

верь!
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!...
Благословен господь наш бог!"

"Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем — бешуся я невольню".
И мигом отлетел он прочь.

"Какое чудное явление!"
Фон-Визин спутнику сказал.

— "Оставь пустое удивленье, —
Эрмий с усмешкой отвечал. —
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора,
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его покоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить —
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?"

"Пора домой, — вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию:
Бродить устал я наконец".
Но вдруг близь мельницы стуча-
щей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.

"Конечно, здесь живет певец, —
Сказал обрадуясь мертвец, —
Взойдем!" Взошли и что ж узре-
ли?

В приятной неге, на постеле
Певец Пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом
С прелестной Лилою дремал
И подрумяненный фиалом
В забвеньи сладостном шеп-
тал. —

Фон-Визин смотрит изумленный.
"Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?"
"Он стоит их, — сказал Мерку-
рий, —

Эрата, Грации, Амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он поит". —
"Так я же разбужу повесу,"
Сказал Фон-Визин рассердясь

*И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещей глас,
С досадой весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, итти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
"Когда Хвостов трудиться ста-
нет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад".*

ГРОБ АНАКРЕОНА.

*Всё в таинственном молчаньи,
Холм оделся темнотою,
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Темных миртов занавеса
Наклонилася к водам;
В их сени, у входа леса,
Чью гробницу вижу там?*

Розы юные алеют
Камня древнего кругом,
И Зефиры их не смеют
Свеять трепетным крылом.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине,
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, други! в вечном мире
Здесь Теосской спит мудрец.
Посмотрите: на гробнице
Сын отрад изображен.
Здесь на ветреной цевнице
Резвый наш Анакреон,
Красотой очарованный,
Нежно гимны ей поет,
Виноградом увенчанный,
В чашу сок его лиет.
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: "Я сед и стар;
Жизнью дайте ж насладиться —
Жизнь, увы! не вечный дар!.."
Здесь, на лиру кинув длани
И нахмурия важно бровь,
Хочет петь он бога брани,

Но поет одну любовь. —
Здесь готовится природе
Тяжкой долг он заплатит;
Старый пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить:
Вкруг философа седого
Девы пляшут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы, и хариты
В гроб любимца увели,
Плющем, розами повиты,
Игры, смехи вслед ушли;
Он исчез, как наслажденье,
Как невнятный вздох любви.
Смертный! век твой — сновиде-
нье:
Счастье резвое лови,
Наслаждайся! наслаждайся!
Чаще кубок наливай,
Страстью нежной утомляйся,
А за чашей отдыхай.

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ.

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихой глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.

Но можно ль резвости поэту,
Невольнику мечты молодой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Всё то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустынну сень,
Своею цепью чувства вяжет,
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,
Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра, ни вчера,
Доволен скромною Судьбою
И думаю: "К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?
К чему им сукны Альбиона
И пышные чехлы Лиона
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?
Не лучше ли в деревне дальней,

Или в смиренном городке,
Вдали столицы, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдох-
нуть!"

О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновиденья!
Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой: с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумят —
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах:
Вот здесь под дубом наклонен-

ным,
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах. —
Но вот уж полдень. — В светлой
зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.
Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну...

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И — помнится — зовется Сла-
вой —

Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и молодой...
Вот мой камин — под вечер тем-
ный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
"Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...
Вот здесь... но быстро привиде-
нья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре. —
Меж тем, как в келье молчали-
вой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье. —
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сияньи
Гусар промчался под окном...
И где вы, мирные картины

Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...
Трепещет бранью грудь моя,
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, — и я
Лечу на гибель супостата. —
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие Лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах,
И молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой
ниве,
С цыгаррой дымною в зубах...

Но лаврами побед увиты,

Бойцы из чаши мира пьют.
Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
На век оставил саблю мести...
Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют
И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь...

Скажи, о сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;
В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,
Но быстро день за днем умчался
Где ж детства ранние следы?
Прелестный возраст миновался
Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка,

И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И всё языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит...
Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая "Сушкова"?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.
То на конце аллеи темной
Вечерней, тихую порой,
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
Всё тихо; брежжет лунный свет;
Нахмурясь топол шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо-спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты в рощице со мною,
На костыли мои склонясь,

Стоишь под ивою густою,
И ветер сумраков, резвясь,
На снежную грудь прохладой дует,
Играет локоном власов
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой по-
кров...

То часом полночи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мрак густой;
Всё спит, один лишь я тоскую,
Зову часов ленивый бой...
И шорох чудится глухой,
И вот уж шопот слышу слад-
кой, —

С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идет украдкой,
И дева друга обняла.

Помчались кони, вдаль пусти-
лись,

По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства онемели...
Но что! мечтанья отлетели!

Увы! я счастлив был во сне...

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, младых певцов удел.
Питомец Муз и вдохновенья,
Стремясь Фантазии вослед,
Находит в сердце наслажденья
И на пути грозящих бед.
Минуты счастья золотые
Пусть мне Клофо не совет;
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемогущее поэт.

К ЖИВОПИСЦУ.

Дитя Харит и вображенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,
Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,

*Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.*

*Прозрачны волны покрывала
Накинъ на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно вздохнуть.*

*Представь мечту любви стыдли-
вой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.*